

В.И. САРИАНИДИ

СИРО-ХЕТТСКИЕ БОЖЕСТВА В БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОМ ПАНТЕОНЕ

Советская археология. М., 1989. № 4. С 17-24

V.I. Sarianidi. *SYRO-HITTITE DEITIES IN BACTRIA AND MARGIANA*

Summary

A cylinder seal carrying a composition that showed in the center an acrobat jumping with a pole came from among the grave goods in a Togolok-1 burial (Margiana, South-Eastern Turkmenistan). There were other figures on the seal including anthropomorphic representations (presumably, with ape heads) who were playing tambourines and a deity with a staff decorated with balls. On the whole, the seal is close to Syro-Hittite objects, especially those done in the Mitanni style. The seal, together with other seals and amulets from Bactria, exhibit an influence of the Syro-Hittite world. They were locally made objects. This circumstance allow us to presume that there existed cultural traditions rooted in Mesopotamia (including its northern borders) that reached Bactria and Margiana through Elam. In an indirect way these conclusions may point to the western regions as a possible earlier home of the Late Bronze Age tribes in Bactria and Margiana.

Богатая и во многом оригинальная коллекция глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы дает веские основания предполагать существование в эпоху бронзы особого пантеона божеств, в котором в предварительном порядке выделяются два уровня идеологических представлений [1]. Самый верхний уровень составляют антропоморфные крылатые божества с ярко выраженными птичьими признаками и нередко с фигуркой птицы как символа самого божества (рис. 1, 4, 5). Такие божества, восседающие то на троне (рис. 1, 4, 5), то на змее или драконе (рис. 1, 6), то на животных, как реальных (рис. 1, 7), так и фантастических (рис. 1, 5), составляют верхнюю ступень пантеона и принадлежат соответственно к верховным божествам, обитавшим, судя по крыльям, на небе. Как варианты известны божества с человеческими головами, но обязательно с крыльями или головой птицы и крыльями вместо рук (рис. 1, 3).

Наиболее близкие, доходящие порой до тождества аналогии дает сиро-хеттская глиптика, где в местном пантеоне широко представлены антропоморфные божества — крылатые, с птичьими головами. Показательно, что, как и среди бактрийских, и здесь имеются изображения с руками и крыльями или только с крыльями, но без рук, отражающие в этом случае влияние Эгейского мира.

Среди бактрийских имеются три амулета с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры с птичьей головой и специально подчеркнутым гребнем на голове (рис. 1, 1,2; 2,1). Как правило, левая рука опущена, правая — поднята, из-за плеч вверх поднимаются либо крылья, либо, как считает П. Амье, языки пламени. Этот же автор

первым обратил внимание на большую близость бактрийских изображений с сирийской глиптикой, специально указав: «трудно предположить, что эти фигуры возникли в обеих странах независимо» [2, с. 197]. По общепринятому мнению специалистов, это изображения гениев-духов, полностью принадлежащих мифотворчеству сиро-хеттского мира, причем сходство с бактрийскими, не только иконографическое, но и стилистическое, не оставляет сомнений в их реальной связи. В самом деле, подобно бактрийским, сиро-хеттские гениев-духи нередко также показаны в коленопреклоненной позе с гребнем на голове, иногда с крыльями вместо рук [3, табл. XXV, 176]. Вместе с тем следует специально отметить, что в Бактрии этот образ претерпел местную переработку, о чем, в частности, свидетельствуют дополнительные изображения змей — этих наиболее популярных персонажей древнебактрийской глиптики, отсутствующих в сиро-хеттской. В Сирии образы гениев-духов относятся к середине II тыс. до н. э., что не позволяет слишком удревять их бактрийские реплики. Осталось добавить, что в 1987 г. в одной из могил Маргианы был найден лазуритовый амулет с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры с птичьей головой и двумя жезлами в руках. Ее типологическая близость к вышеописанным не вызывает сомнений (рис. 3); близкое им изображение происходит с поселения Гонур-1 (рис. 4).

Из разграбленных могил Бактрии происходит сильно окислившийся амулет с двусторонним изображением, в том числе антропоморфной фигуры с орлиной головой с поднятыми перед грудью руками, в длинном, доходящем до пят платье (рис. 2, 4). За правым плечом фигуры виден длинный предмет, украшенный внутри короткими поперечными черточками и заканчивающийся навершием, отдаленно напоминающим птичью головку. По обе стороны от фигуры опускаются вниз крылья, а в целом все это изображение близко духам-демонам, которые позднее войдут в качестве керубов в ассирийское искусство. Правда, там эти персонажи чаще всего имеют пару крыльев, направленных соответственно вверх и вниз. Можно предположить, что бактрийский экземпляр отражает упрощенный вариант одного и того же архетипа. Подобные мифологические фигуры весьма характерны для сиро-хеттской глиптики, причем особенно показательны изображения из Кархемыша [4, рис. 19] и Нузи [5, рис. 12], и в частности «оружие», поднимающееся из-за плеч у одного такого божества [5, рис. 24].

Среди изображений бактрийских орлиноголовых божеств выделяются единичные с двумя головами, представленные помимо амулетов на одном уникальном топоре, отлитом в виде крылатого антропоморфного божества с двумя орлиными головами. Прямые соответствия им имеются опять-таки в сиро-хеттском искусстве [6, фиг. 36; 7]. Показательно, что в обоих регионах такие двуглавые божества нередко терзают животных, что указывает уже на их и семантическую близость, сводя элемент случайного совпадения до минимума. Известны в бактрийской глиптике и сфрагистике и просто двуглавые орлы (рис. 2, 2, 3), малоазийское происхождение которых представляется наиболее вероятным. Там они изображены в геральдической позе и известны уже с самого начала II тыс. до н. э. [8, рис. 52, 53]. Несколько позднее двуглавые орлы распространяются в сиро-хеттской глиптике [9, рис. 21] и даже на каменных рельефах, как можно судить по Богазгею [4, рис. 8]. Уже В. Вард отметил, что именно для сиро-хеттской глиптики наиболее характерны изображения антропоморфных крылатых божеств, которые затем были заимствованы Ассирией [10, с. 303], сюда же теперь с полным основанием можно добавить Бактрию и Маргиану.

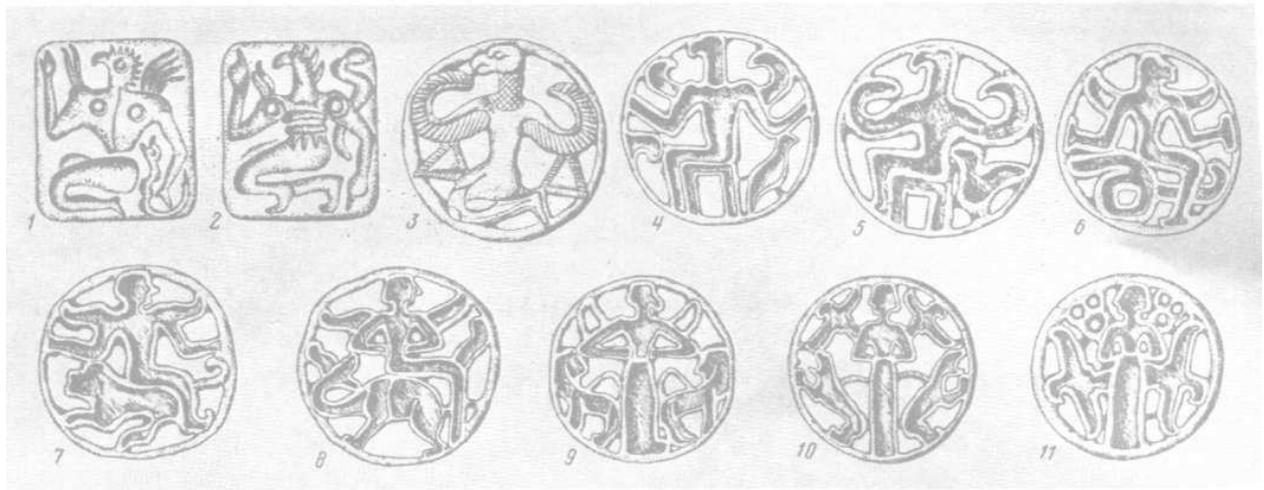

Рис. 1. Каменные амулеты (1, 2) и медные перегородчатые печати Бактрии.

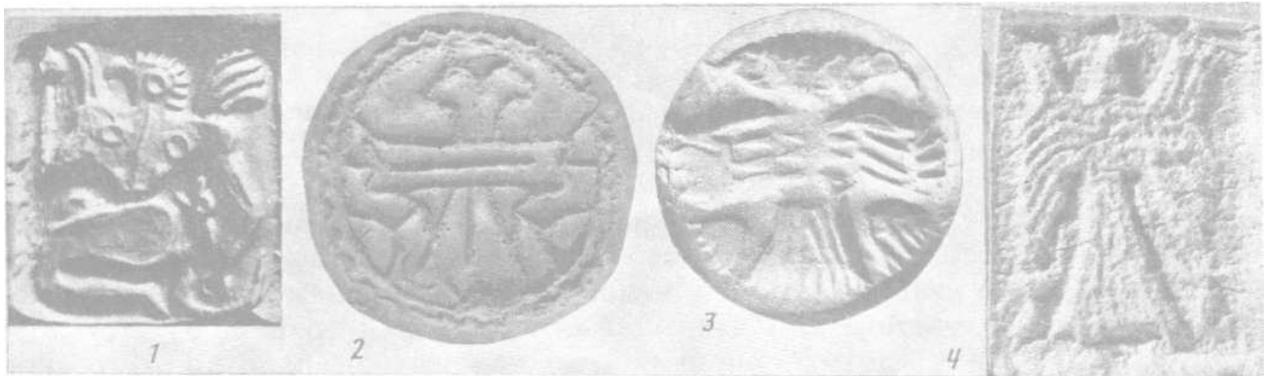

Рис. 2. Каменные амулеты (1, 3) и медные перегородчатые печати (2, 4) Бактрии

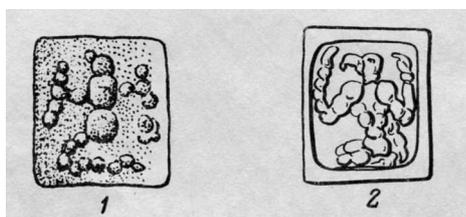

Рис. 3. Каменные амулеты с изображением коленопреклоненных антропоморфных фигур с птичьими головами. /— из Маргианы; 2— из Бактрии

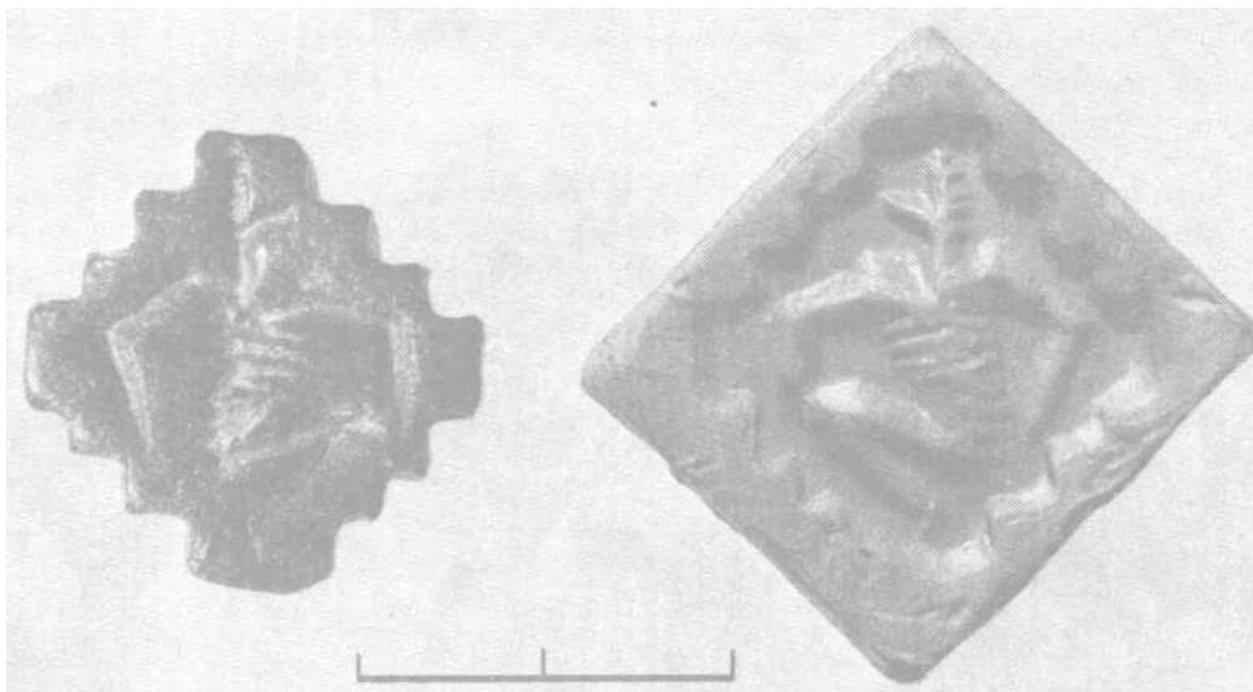

Рис. 4. Гонур-1, каменный амулет с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры

Специальный интерес для нашей темы представляют медные ажурные печати Бактрии с изображениями в центре их, судя по всему, стоящей женской фигуры анфас, головой в профиль, с руками, сложенными на талии (рис. 1, 9-11; 2, 5). Такие фронтально развернутые фигуры, часто в окружении птиц и животных, скорее всего передают образ «хозяйки» животного и пернатого мира и восходят в конечном счете к северомесопотамским прототипам. Особенно широкий круг таких изображений демонстрирует сиро-хеттская глиптика, где они, по убедительному мнению Э. Порады, происходят от местной богини [11, с. 55], причем со временем головы таких фигур изображаются в профиль. Этот статуарный тип особенно четко выступает в искусстве Хеттского царства, и именно им наиболее близки бактрийские изображения. Вместе с тем есть и вполне очевидные стилистические различия: например, северомесопотамские персонажи почти всегда передают образ обнаженной богини, а бактрийские изображены в длинных, доходящих до пят юбках.

В этом плане интересна одна серебряная бактрийская печать с изображением полуобнаженной богини верхом на львином драконе; руки ее сложены на талии, из-за плеч «вырастают» два козленка. М. Потье доказала общее западное происхождение этого мотива [12], но еще более близкие аналогии дает сиро-хеттская глиптика, и в частности один оттиск печати из Канеша с изображением богини со сложенными на талии руками и козлятами у плеч [13, табл. 30, 5]. Прямой репликой последней является бактрийская серебряная печать. Наконец, бактрийские божества в окружении птиц и животных находят семантические соответствия в божествах сиро-хеттского искусства, где они стоят на животных или держат их поверженными вниз головой [4, рис. 182, 192], отражая идею превосходства над миром животных.

Рис. 5. Тоголок 1, погребение 10. Цилиндрическая печать и оттиск с нее: 1 — фото; 2— прорисовка

Уже этот краткий обзор показывает, что образы «хозяйки» животных точно так же, как крылатого антропоморфного божества с птичьими признаками, в одинаковой степени были популярны как в сиро-хеттском пантеоне, так и бактрийско-маргианском, за чем бесспорно стоят и сходные религиозные воззрения, и культовая обрядность.

Известен был в обоих регионах и популярный на древнем Востоке мотив «древа жизни», но в сиро-хеттской глиптике он наиболее ранний [14], причем в Бактрии веточки таких деревьев, подобно северомесопотамским образцам, заканчиваются шишечками, что указывает на возможные связи между сирийскими и бактрийскими образцами [15, рис. 3, /]. Точно так же весьма показательна практика использования «витого жгута» в глиптике Бактрии и Маргианы [16, рис. 8, 3], этой типичной, признаваемой всеми авторами детали сиро-хеттского искусства.

Но, бесспорно, принципиально важное значение для затронутой темы имеет уникальная цилиндрическая печать, найденная в 1987 г. в погребении 10 на поселении Тоголок 1. Могильная яма прорезала пол одного из помещений строительного комплекса, на котором помимо обычной керамики были встречены фрагменты лепного сосуда, по

определению М.Ф. Косарева и Т.М. Потемкиной, типично дандыбай-бегазинского типа. Следовательно, само погребение не может относиться к периоду ранее рубежа XIV—XIII вв. до н. э., а вероятнее всего, к XIII в. до н. э.

Цилиндрическая печать находилась в сосуде вместе с двумя амулетами мургабского стиля. Пока это первый случай такой совместной находки в закрытом погребальном комплексе. Печать в виде цилиндра с ушком изготовлена из черного стеатита, на торце выгравировано растение, похожее на мак. Центральную часть композиции (рис. 5) составляют два антропоморфные фигуры лицом друг к другу, держащие вместе шест, через который прыгает акробат. Вправо изображен стоящий на задних ногах бык, у которого одна передняя нога опущена, вторая отставлена в сторону, как бы указывая на сидящее во втором регистре божество с жезлами. Влево от центральной микрокомпозиции сидит, вытянув ноги, музыкант, бьющий в огромный барабан, покоящийся на его ногах. Еще дальше располагается сидящий антропоморфный персонаж с жезлом или скипетром в руке. Наконец, во втором регистре сидит уже упомянутое божество и рядом с ним волк или собака.

Налицо явно сюжетная композиция, построенная по принципу симметрии, характерной для сиро-хеттской глиптики. Генеральная тема всей композиции праздничная, но не обычная басенная (как это можно было бы заключить, судя по облику антропоморфных персонажей), а глубоко мистическая. В самом деле, здесь нет ни одного реального человеческого персонажа, а лишь антропоморфные существа с головами животных, что уже само по себе может намекать на тайный, мистический характер всей композиции. Думается, что здесь изображены люди с головами обезьян, предположительно бабуинов, с косматыми загривками. Вообще обезьяны известны в глиптике Месопотамии, но там они всегда играют явно второстепенную, подчиненную роль, часто держа сосуды для возлияний. Зато в глиптике Бактрии обезьяны занимают одно из главных мест, где они, подобно божествам, нередко восседают на тронах. В природе обезьяны здесь неизвестны, так что их изображения явно отражают влияние, идущее скорее всего из Индии, так как бактрийские их изображения более всего соответствуют лангурам из рода хануман, до сих пор являющихся священными в Индии.

Уже было отмечено, что божества с головами животных составляют характерную черту сиро-хеттского искусства, причем в северомесопотамской глиптике использовались специальные маски, что, как считает Э. Порада, восходит к традициям хурритских мастеров. Доказательством тому служат изображения колдунов и жрецов с птичьими масками, а в ассирийском — с львиными и рыбьими [17]. В свою очередь образы обезьян в сиро-хеттской глиптике появились под влиянием Египта, где они, правда, выступают чаще всего как комические, а порой и карикатурные персонажи, в то время как в том же Канеше они играют роль культовых служек.

Исключительного внимания заслуживают обезьяны-музыканты из Канеша, а в Хеттском царстве позднее — антропоморфные божества с птичьими головами, находящие впечатляющие соответствия в бактрийско-маргианской глиптике. В еще большей степени показательны «капеллы животных» египетского и западно-азиатского искусства, маргианскую реплику которым демонстрирует рассматриваемый цилиндр. Правда, в последнем случае это не обезьяны, а люди с обезьяньими головами, что может свидетельствовать о некотором переосмыслении анатолийского и сирийского прототипов. Вообще же отметим, что гибридные образы (крылатые львы, грифоны и др.) достаточно популярны в бактрийско-маргианской глиптике, в целом отражая западные влияния. В этом

плане интересна антропоморфная фигура с головой быка (на сосуде из Богаз-кея), играющая на тамбурине [17, с. 70]. М. Меллинк специально отмечает, что такие гибридные персонажи отнюдь не отражают народное, а тем более юмористическое направление в искусстве, а иллюстрируют различные стадии древнехеттских культовых церемоний, где играющие на тамбурине персонажи являются культовыми музыкантами [18].

Лишь один персонаж маргианского цилиндра — волк или собака — находит аналогии в местной глиптике, остальным же обнаруживаются далекие, но вполне очевидные сирохеттские параллели. Дополнительным доказательством тому является божество с жезлами в обеих руках, точные аналогии которым дает глиптика Месопотамии. Как правило, такие жезлы представляют собой стержень, нередко с перекрестиями, заканчивающимися на концах шарами.

Их определяют как эмблемы бога солнца Шамаша. Хотя Д. Ван Бурен и Г. Франкфорт допускали местное происхождение этой эмблемы начиная с периода Джемдет Наср [14, с. 161; 19, с. 15], более обоснованным представляется предположение В. Варда, связывавшего их с Египтом, где они символизируют идею «стабильности» [10, с. 413]. Сходство маргианского жезла с месопотамскими прототипами настолько очевидно, что не требует дополнительной аргументации. Правда, в противоположность другим, маргианское божество держит не один, а два жезла, что должно было, по-видимому, усилить его главенствующее значение сравнительно с остальными персонажами композиции.

Для нашей темы наибольшее значение имеют северомесопотамские параллели, как, например, один сирохеттский цилиндр с изображением двух людей, держащих вместе жезл с шарами, что, как считают, отражает общий митаннийский стиль, но не вавилонский [11, рис. 1012; 20, с. 37]. В другом случае два коленопреклоненных гения-духа также держат вместе жезл с шарами [21, рис. 1248], демонстрируя вариацию на одну и ту же тему.

Хотя тема акробата, прыгающего через шест, уникальна, она находит формальные соответствия в других регионах древнего Востока, но особенно, как специально отмечает Б. Буханан, в сирийской глиптике митаннийского стиля, причем еще раньше она отмечена в Египте откуда и проникла в среду местных мастеров [22, с. 11]. Правда, здесь акробаты показаны преимущественно прыгающими через лошадей, к чему можно добавить известные критские изображения акробатов, прыгающих через быков, что нашло отражение и в греческой глиптике [23, табл. 82, 137, 200]. Высказано мнение, что акробаты сирийской глиптики в конечном счете восходят к крито-египетским прототипам [24], так что маргианский цилиндр можно считать наиболее восточным пунктом распространения этого редкого мотива. Совершенно очевидно, что сама по себе тема акробатов может иметь конвергентное происхождение, но в данном случае, учитывая вышеприведенные западные параллели, можно считать, что маргианский цилиндр был изготовлен на месте, но под сильным влиянием сирохеттской глиптики. В таком случае возникает закономерный вопрос: является ли рассматриваемая композиция следствием культурных влияний или же ее принесли вместе с собой в Маргиану пришлые племена?

Сейчас можно считать доказанным, что племена, колонизовавшие Бактрию и Маргиану в начале II тыс. до н. э., не были только завоевателями, но пришли сюда вместе со своими домочадцами, с женами, детьми, стариками, со всем своим скарбом и, конечно же, со своими собственными религиозными представлениями и традициями [25]. А ведь вышеотмеченные параллели обнаруживаются не на бытовых изделиях, а на культовых, т. е. касаются идеологических представлений, наиболее консервативной области человеческой культуры. В самом деле, достаточно четкий и устойчивый комплекс изобразительных

памятников Бактрии и Маргианы, с одной стороны, и Месопотамии — с другой, в конечном счете восходит к северомесопотамскому пантеону божеств где можно предполагать истоки этих конкретных религиозных представлений.

Если бактрийско-маргианский пантеон распространяется здесь вместе с расселением новых племен, то при всех возможных вариантах эта миграция не могла миновать промежуточной территории Восточного Ирана. И в самом деле, крылатые антропоморфные божества с птичьими признаками точно так же, как стоящие фронтально развернутые женские божества с руками, сложенными на талии, составляют свой пантеон, представленный глиптикой Шахдада, Тепе-Яхья и др. Видимо, не случайно имеются здесь и изображения птиц в качестве эмблемы божества, и в особенности изображение музыканта, играющего на барабанах, в известной мере напоминающие божества и персонажей культовых церемоний Бактрии и Маргианы [2, рис. 132, 12]. Осталось добавить, что и сам археологический комплекс начала II тыс. до н. э. Восточного Ирана (Шахдад-Гиссар III) занимает как бы промежуточное место, обнаруживая прямые, отчасти, возможно, генетические связи с Бактрией и Маргианой, и, хотя и в меньшей степени, с Эламом, историческая связь которого с Южной Месопотамией общеизвестна.

В этой связи, возможно, не случайно сиро-хеттские изображения божеств появляются в Бактрии и Маргиане после того, как они распространяются в Месопотамии — в направлении с севера на юг, вплоть до Элама. В таком случае можно допустить, что вышеотмеченные изображения божеств распространяются через эламское посредство, что в еще большей степени находит свое более полное подтверждение во всем археологическом комплексе эламо-бактрийских параллелей, установленных П. Амье [2] и М. Потье [12].

С другой стороны, особого интереса заслуживает тот факт, что многие сиро-хеттские прототипы бактрийско-маргианского пантеона в свою очередь определяются как отражающие митаннийский стиль в месопотамском искусстве. Так, к митаннийскому стилю относит П. Амье уже упомянутый уникальный бактрийский топор с двуглавым демоном, а Э. Порада и Г. Франкфорт безоговорочно определяют «жезлы с шарами» как митаннийские эмблемы. Точно также изображения животных, под животами которых извиваются змеи, композиции с акробатами, гибридные персонажи с головами животных Б. Буханан определяет как митаннийские по стилю. Наконец, Б. Брентъес посвятил специальную статью возможной связи «бактрийских» бронз с митаннийским искусством [26, с. 18, 19]. Все эти наблюдения, выступающие пока в общей форме, не могут не быть сопоставлены с митаннийскими племенами, арийская принадлежность которых подтверждается письменными данными, в которых упоминаются имена индоиранских божеств. Пока еще трудно конкретизировать имеющиеся факты и наблюдения, но, думается, пришлые племена, колонизовавшие в начале II тыс. до н. э. Бактрию и Маргиану, не случайно обнаруживают связи с митаннийским искусством, за чем, видимо, скрываются и реальные исторические события, связанные с индоиранской, арийской проблемой.

Для этого еще раз обратимся к маргианскому цилиндру, общая композиция которого (прыгающие акробаты), отдельные персонажи (божество с жезлом и шарами, люди с головами животных) находят весьма впечатляющие аналогии в митаннийском искусстве. В свою очередь вся сцена маргианского цилиндра связана с культовыми, а не светскими празднествами, тайный мистический характер которых подчеркивают сами гибридные персонажи. Налицо ритуальное празднество с четко выработанной культовой обрядностью, до определенной степени напоминающее элевсинские мистерии Греции. Можно почти не сомневаться, что эти религиозные представления и культовые церемонии были принесены в

Бактрию и Маргиану пришлыми племенами, которые на своей новой родине продолжали твердо придерживаться своих верований. Пока еще трудно ответить на вопрос, каким образом образы сиро-хеттских божеств проникают так далеко на восток, но и нельзя полностью исключать, что за установленными фактами стоят реальные исторические события, связанные с расселением индоиранских, арийских племен. Другое дело, что конкретный механизм предполагаемой инвазии пока еще вырисовывается в самых общих чертах, что в первую очередь связано с ограниченностью наших современных данных. Но все более увеличивающиеся параллели, выявляемые между Бактрией и Маргианой, с одной стороны, и Сирией — с другой, весьма показательны. Тем более это касается митанийских сопоставлений, открывающих новую страницу в древней истории Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарияниди В. И. Древнебактрийский пантеон // Информ. бюл. МАИКЦА. 1986. Вып. 10.
2. Amiet P. L'Age des exchange inter-iraniens. 3500—1700 avant J.-C. P., 1986.
3. Contenau G. La glyptique Syro-Hittite. P., 1922.
4. Gurney O. The Hittites. L., 1954.
5. Barrelet M. T. Les Deesses armees et aliers // Syria. 1955. T. 32.
6. Pittman H. Art of the Bronze Age. N.Y., 1984.
7. Maxwell-Hyslop B. British Museum «Ахе» № 123268: A. Bactrian Bronze // Bulletin of the Asia Institute. V. 1. Detroit, 1987.
8. Ozguc N. Seal Impression from the Palaces at Acauhoyuk // Ancient Art in Seals. New Jersey, 1980.
9. Delaporte L. Les hittites. P., 1936.
10. Ward W. The Seal Cylinders of Western Asia. Wash., 1910.
11. Porada E. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collection. Wash., 1948.
12. Pettier M.-H. Material funeraire de la Bactriane Meridionale de L'age du bronze. P., 1984.
13. Porada E. Kleine Bemerkungen über Abrollungen auf Tafeln des Karum Kumes und zwei Text. T. II. B., 1982.
14. Комороци Г. К символике дерева в искусстве Древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
15. Сарияниди В. И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э. // СА. 1986. № 2.
16. Sarianidi V. Die Kunst des Alten Afghanistan. Leipzig, 1986.
17. Porada E. Remarks on the Mitannian (Hurrian) and Middle Assyrian Glyptic Art // Akkadica. 1979. № 13.
18. Mellink M. Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Mainz, 1987.
19. Van Buren E. D. Symbols of the Gods in Mesopotamian Art // Annalecta Orientalia. 1945. № 23.
20. Eisen G. A. Ancient Oriental Cylinders and other Seals. Chicago, 1940.
21. Buchanan B. Early Near Eastern Seals in the Yale Babylonian Collection. New Haven; London, 1981.
22. Buchanan B. A Snake Goddess and her Companions // Iraq. 1971. XXXIII.
23. Sakellariou A. Die Minoischen und Mykenischen Stegen des Nationalmuseum in Athen. B., 1964.

24. Porada E. Seals from the Late Fourth to the Late Second Millennium // Eble to Damascus. Wash., 1985.
25. Сариниди В. И. Юго-Западная Азия: миграции, арийцы и зороастрийцы // Информ. бюл. МАИКЦА. 1988. Вып. 13.
26. Brenties B. Die «Baktrischen Bronzen». Ihre Datierung und die Mitanni-Kunst // Orient und Okzident im Spiegel der Kunst. Graz, 1986.